

Джаарбекова
Светлана

НЕОБЫЧНАЯ СУДЬБА

Жизнь и судьба (Горизонт)

Светлана Джаарбекова

Необычная судьба

«Горизонт»

2010

Джаарбекова С. А.

Необычная судьба / С. А. Джаарбекова — «Горизонт»,
2010 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Эта книга о судьбе матери автора книги Джаарбековой С. А. – Рыбиной Клавдии Ивановне (1906 Гусь-Хрустальный – 1991 Душанбе). Клавдия прожила очень яркую и интересную жизнь, на фоне исторических событий 20 века. Книга называется «Необычная судьба» – Клавдия выходит замуж за иранского миллионера и покидает СССР. Но так хорошо начавшаяся сказка вскоре обернулась кошмаром. Она решает бежать обратно в СССР. В Иране, в то время, за побег от мужа была установлена смертная казнь. Как вырваться из плена в чужой стране? Находчивая русская женщина делает невероятное и она снова в СССР, с новым спутником жизни, который помог ей бежать. Не успели молодые насладиться спокойной жизнью, как их счастье прервано началом Великой Отечественной войны. Ее муж, Ашот Джаарбеков, отправляется на фронт. Впереди долгие годы войны, допросы «тройки» о годах, проведенных за границей, забота о том, как прокормить маленьких детей...

© Джаарбекова С. А., 2010

© Горизонт, 2010

Содержание

Книга I. Бегство	6
Часть I. «Бегство»	6
I	6
II	8
III	9
IV	11
V	13
VI	14
VII	17
VIII	19
IX	21
X	22
XI	25
XII	27
Часть II. «Тегеран»	31
I	31
II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Джаарбекова

Необычная судьба

Посвящаю всем женщинам, попавшим в ситуации, подобные моим героиням.

Джаарбекова С. А.

Книга I. Бегство

Часть I. «Бегство»

I

Шел июль 1928 года. На ярмарке Нижнего Новгорода разбегались глаза от обилия заморских товаров. Большие груженные баржи и курсирующие по Волге пароходы оживляли пейзаж и способствовали бойкой торговле города.

Новая экономическая политика Советского государства еще полностью не захлопнула свои двери, и на ярмарке в русскую речь вплетались разноречивые голоса.

Купец Миружан подошел к павильону, где его помощники торговали знаменитыми иранскими коврами, шелками, фруктами.

– Салам алейкум, Омар, как дела? – обратился он на фарси к смуглому мужчине лет сорока, с шапкой курчавых черных волос, слегка тронутых сединой.

– Хорошо, Миружан-хан, почти весь товар реализован, выручка большая.

– Омар, остатки товара погрузите с командой на пароход, подготовь отчет и завтра вечером отправимся в обратный путь в Иран, надо успеть вернуться к Дню рождения моей матери.

Сегодня же вечером дай отгул команде, оставь дежурных, а мы с тобой сходим в ресторан «Волга» – он славится своими рыбными блюдами, один салат с отварной севрюгой и майонезом чего стоит!

К вечеру мужчины привели себя в порядок, Миружан одел кремового цвета костюм, который очень шел ему. Покинув свой пароход, мужчины вышли на пристань к ресторану.

– Как я выгляжу, Омар?

Омар оценивающе осмотрел своего друга. Миружан был моложе его на 7 лет, но разница в возрасте не мешала им быть друзьями.

Гладко причесанные назад волосы, черные миндалевидные глаза, дерзкая улыбка, обнажающая красивые белые зубы... Миружан нравился женщинам и завоевывал их легко.

Омар вздохнул и лаконично сказал: «Хорошо, Миружан».

Ресторан стоял на возвышенном берегу Волги. Он был небольшой, но уютный и принадлежал еврейской семье, открывшей его в период НЭПа.

Мужчины вошли в зал. Неназойливо звучала музыка, день был будничным, и в зале имелись свободные столики.

Миружан любил занимать место у окна, где открывался вид на Волгу. К ним подошел сын хозяина ресторана, Исаак, приветливый худощавый молодой человек: «Добрый вечер, Миружан-хан, вы займете со своим другом ваш любимый столик? Он свободен».

Заказав ужин, мужчины оглядели посетителей зала. Внимание Миружана привлекла молодая женщина лет двадцати, оживленно беседующая со своей соседкой и двумя юношами.

– Видно, одна компания», – подумал Миружан. Он видел только профиль женщины. Гордо посаженная голова, четко очерченный нос с небольшой горбинкой, пышные темные волосы, уложенные на затылке в красивый узел. «Свободолюбивая», – пронеслось у него в голове. Он любил по внешности оценивать людей и редко ошибался. Словно почувствовав пристальный взгляд, молодая женщина повернула голову, и их глаза встретились. «Хороша» – отметил Миружан.

Зазвучала музыка известного вальса Штрауса. Миружан оставил Омара смаковать вкусный ужин, а сам направился к столику, где сидела молодая женщина.

– Ханум, разрешите вас пригласить на танец», – обратился он к незнакомке, произнося русские слова с легким акцентом. Его речь вызвала улыбку у молодой женщины.

– Ханум, так ханум, – весело сказала она.

– Пойдемте танцевать.

– Эту «ханум» по-русски зовут Клавдией, а другую «ханум» – Ниной – кокетливо подыграла ситуации симпатичная голубоглазая соседка. Миружан галантно представился всей компании и напряжение, обычно возникающее при знакомстве, исчезло.

Кружась в вальсе и легко поддерживая свою партнершу, Миружан старался лучше ее рассмотреть. Небольшие, но выразительные зеленоватые глаза, полные, красиво очерченные губы и замечательный овал лица, придающий чертам законченность и гармонию.

«Хороша» – опять у него пронеслось в голове. Вслед за вальсом они так лихо выделяли фигуры чарльстона, что вызвали аплодисменты присутствующих в зале.

Миружану захотелось побродить по городу с Клавдией в свой последний вечер, узнать историю жизни, почувствовать ее рядом, и он предложил ей стать его спутницей на этот вечер. Клавдия не любила случайных и уличных знакомств, но почему-то этот мужчина, совершенно незнакомый, внушал ей доверие, и она, вопреки своим правилам, поддалась внутреннему чувству, и согласилась.

Миружан подозвал Исаака, расплатился за ужин, и попросив его поставить на стол друзьям Клавы шампанское и фрукты, вышел вместе с ней из ресторана.

Было не поздно, около десяти часов вечера. Это то время летом, когда еще просматриваются окружающие предметы, лица прохожих. Воздух, напоенный ароматом цветов, был теплым, но свежим.

– Чудесный вечер! – сказала Клавдия, слегка поеживаясь. На ней было облегающее стройную фигуру зеленое платье с короткими рукавами.

Миружан снял свой пиджак и набросил его ей на плечи. Ему хотелось взять Клавдию под руку, но он сдержал себя, почувствовав, что этот жест может насторожить ее. Они медленно пошли к центральной улице.

– И часто вы бываете в этом ресторане? – спросил Миружан, чтобы завязать разговор.

– Первый раз. Мы слышали, что здесь вкусно готовят и можно неплохо провести время, вот и пошли небольшой компанией, – Клавдия замолчала. Видя ее смущение, Миружан решил взять в разговоре инициативу в свои руки и вскоре так умело повел беседу, что Клавдия естественно и просто рассказала о своей небогатой событиями жизни. Неудачное замужество, длящееся всего несколько месяцев, бегство от мужа в Москву, домой к родителям во Владимир она не вернулась. С Ниной, ее бывшей школьной подругой, Клавдия вела переписку, и когда та предложила ей переехать в Нижний Новгород, она согласилась. Уже год как они вместе с Ниной снимают комнату. Зная, что Клавдия начитана и хорошо ориентируется в литературе, Нина предложила ей поработать библиотекарем в школе, где сама преподавала в младших классах. Клавдия вспомнила и рассказала Миружану случай из своей школьной жизни. Влечение к чтению она почувствовала с детства, научившись читать, буквально проглатывала «все, что попадало в руки». Уходя в школу, она всегда захватывала с собой томик какого-нибудь популярного романа и однажды, увлекшись чтением, не заметила, как над ней склонилась голова учительницы, глаза которой метали молнии. Книгу отобрали, но сначала прикрепили к спине Клавдии и провели ее по всем классам в назидание другим. Так она стала в школе печально знаменитой.

Миружан смеялся от души и чувствовал, как у него растет к этой женщине что-то большее, чем простой интерес. Он с удовольствием слушал ее голос, выразительный и звучный. Ему нравились ее искренность, отсутствие жеманства.

Они вернулись на пристань, здесь было много гуляющих, несмотря на поздний час, заглянули и в ресторан, но ни Омара, ни Нины с друзьями там уже не было. У причала полюбовались на блики огней, отражающихся в воде. На причале стояли несколько пароходов, среди них и

пароход Миружана, где светился огонек только в одной каюте. Миружан заметил: «Команда гуляет, а мой верный Омар не спит, ждет меня».

Взглянув на Клавдию, которая была так загадочно хороша при лунном свете, он с сожалением подумал о том, что завтра уедет и больше не увидит ее. И вдруг неожиданная мысль пришла в голову Миружану: «А что если предложить Клавдии уехать с ним?»

Поколебавшись несколько секунд, взвесив «за» и «против», он принял решение и сказал: «Клавдия, завтра в 7 часов вечера мой пароход отплывает в Иран. Если тебя здесь ничто не держит, поедem со мной в качестве жены. У тебя есть время обдумать мое предложение. Сейчас мне ничего не говори, я понимаю как это неожиданно. Я же буду ждать тебя завтра в 6 часов вечера у причала».

Клавдия ничего и не могла сказать, все так быстро завертелось...

Стараясь скрыть волнение, она с трудом выговорила фразу: «Я подумаю, а сейчас проводите меня».

Миружан и Клавдия всю дорогу шли молча. Клавдия с Ниной снимали комнату в двухэтажном деревянном доме недалеко от пристани. Расставание у подъезда было коротким и сдержанным. Клаве хотелось скорее остаться одной и обдумать события этого дня. Миружан это почувствовал и не удерживал ее. Уходя, он слышал, как простучали каблучки по лестнице.

II

Нина не спала, ждала свою подругу. Когда Клава буквально влетела в комнату, Нина поняла по ее взволнованному лицу, что произошло что-то очень важное:

– Ну, выкладывай, что случилось?

– Миружан предложил мне уехать с ним завтра в Иран в качестве жены, – выпалила она. – В 6 часов вечера он будет ждать меня на пристани.

Нина по своей природе была рассудительна, и она, подумав, спокойно сказала: «Дорогая Клава, ведь ты о нем ничего не знаешь. Много вот таких дурочек попадают на удочку! Ведь у них на Востоке другие нравы. Миружану уже за тридцать, возможно, у него есть семья. У вас что, любовь с первого взгляда?»

– С моей стороны любви нет, я даже не уверена – нравится ли он мне. На меня произвели впечатление его сдержанность, манеры – он богат и видно не жаден, а это, признайся, большой плюс.

– Клава, представь себе только такую картину! Ты покинешь страну, около тебя не будет ни одного близкого человека, случись что с тобой, вокруг будут чужие лица, звучать чужая речь!

Доводы Нины были серьезны и убедительны, тем более, что и она сама об этом думала. Что она знает о Миружане? Ведь он о своей личной жизни ничего не сказал. Богат, имеет большой дом в Энзели, успешно ведет торговые дела – вот и все, что она узнала.

– У меня есть время подумать, – произнесла она вслух. – Утро вечера мудренее. Меня что-то знобит, я хочу лечь.

Пока Нина с Клавой вели серьезную беседу, Миружан тем временем поднялся на пароход и зашел в каюту Омара. Между мужчинами состоялся следующий разговор:

– Омар, ты видел женщину, с которой я танцевал?

– Красивая женщина, Миружан-хан.

– Я предложил ей уехать со мной завтра. В 6 часов вечера буду ждать ее на пристани.

– Миружан, ты сказал, что у тебя гарем? Ведь она воспитана в других традициях.

– Нет, не сказал и передай всей команде, чтобы держали рты на замке. Если Клавдия об этом узнает, то не поедет. А я хочу, чтобы эта женщина была со мной, и почему-то мне кажется, что она придет. Наведите блеск на пароходе, приготовьте отменный ужин. Ты, Омар,

присмотри за всем. Да, зайди в книжный магазин и купи несколько десятков интересных книг. Клавдия любит читать, пусть читает, на пароходе у нее будет время и для этого.

– Хорошо, Миружан-хан, все сделаю, как ты того хочешь. – Но себе Омар сказал, что его друг совершает гнусный поступок и на душе у него стало как-то нехорошо.

Омар не понимал страсти Миружана – коллекционировать женщин. Сам он женился в 24 года на юной 18-летней Нигине, влюбившись в нее до умопомрачения. Брак их оказался счастливым. Нигина родила ему двух сыновей и дочь. Конечно, и у Омара эпизодически бывают романы с женщинами, но на семейном счастье они не отражаются. Засыпая, Омар думал о красивой русской женщине и о том, какая ее ждет трудная жизнь, если она свяжет свою судьбу с Миружаном...

III

Клавдия провела тревожную ночь, то засыпала тяжелым сном, то просыпалась и думала, думала... Она была натура эмоциональная, а большой объем прочитанной литературы развил ее воображение и несколько романтическое ощущение бытия. Встречу с Миружаном она восприняла как жребий, брошенный ей судьбой, как веление свыше. Она не думала об интимной стороне будущей связи с Миружаном, ей это казалось сейчас не таким уж и важным. Миружан воспринимался ею как оплот надежности, мужчиной, который выбрал именно ее. Молниеносность его решения произвела на нее сильное впечатление и воспринималась ею как одно из его достоинств. Богатство Миружана даст ей возможность подняться над мелочами жизни, избавит от каждодневной думы о хлебе насущном. Возможно именно с ним она увидит красивую, интересную жизнь. Клавдия уже поняла, что она примет предложение Миружана, возьмет в руки тот жребий, который предоставляет ей судьба. И как часто бывает в поворотные моменты жизни, она мысленно пробежала свой недолгий жизненный путь.

Родилась она в городке Гусь-Хрустальный, но первые воспоминания связаны с городом Владимиром, куда переехала вся семья. Вот их одноэтажный, но просторный дом. Мама хлопот по дому, а отец вечерами сидит, склонившись над книгой. Днем он работает управляющим в книжном магазине, и на его заработок живет вся семья. Клавдия – любимица отца, и она частенько крутится около него, чтобы услышать интересную сказку или историю, рассказывать которые отец был мастер. Семья была дружной, каждый выполнял обязанности по дому. Мама готовила, старшая сестра Лидия наводила чистоту в доме, Клаве, не обладавшей особой аккуратностью, досталась чистка кастрюль и мытье посуды. Братья – Михаил, Павел и Николай – кололи дрова, носили воду, выполняли плотницкие работы. Заготовки на зиму делали все вместе – бочками солили капусту, грибы, огурцы, мариновали ягоды, яблоки, варили варенье, солили и коптили рыбу, мясо. Дети любили заглядывать в погреб, там было столько вкусных вещей! В играх Клавдия часто была заводилой. Из братьев она не любила только рыжего Павла за то, что он все их детские тайны выкладывал родителям, а дети в отместку, договорившись, дружно его поколачивали. В школе Клава училась хорошо и легко, но кроме литературы ко всем другим предметам была равнодушна.

Октябрьская революция 1917 года и годы разрухи сказались на благополучии семьи. Отец стал зарабатывать мало. Кто думал о покупке книг, когда исчезли продукты первой необходимости. Клавдия вспомнила случай, когда во Владимире совершенно пропала соль, и начался буквально «соленый» голод. И вот несколько семей договорились, собрали подводы, мешки и двинулись в путь за солью. Увязалась с братьями и Клава. Путь был долгий, ночь они ехали лесом, и вдруг она увидела как из-за деревьев засверкали горящие огоньки. «Волки!» – закричали братья и хлестнули лошадь изо всех сил.

К счастью, подвод было около десятка, ехали они близко друг от друга. Постреляли в воздух из охотничьих ружей, и волки отстали. Но страх, который пережила тогда Клавдия, она запомнила надолго.

Братья – Михаил и Павел, чтобы помочь семье выжить, устроились подрабатывать в Депо, осваивали железнодорожное дело. Младший брат Николай, подающий надежды молодой поэт зимним вечером 1919 года ушел побродить, поднялась сильная метель, и он так и не вернулся. Нашли его только на другое утро замерзшим около леса, видно сбился с дороги.

Смерть Николая – любимца матери изменила ее облик. Она стала замкнутой, отчужденной, словно охладевшей сразу ко всем остальным детям. Иногда Клава видела ее сидящей с рюмкой водки и разговаривающей сама с собой. Дома царила гнетущая обстановка. Клавдия уходила к отцу в магазин и помогала ему переплетать книги. Начиналась борьба новой власти с безграмотностью, нужны были доступные учебники, легко читаемая литература. Новых изданий пока не было. Отец приводил в порядок потрепанные книги и учебники и продавал их в открывающиеся небольшие библиотеки. Клавдия поступила учиться на библиотечные курсы и через полгода получила специальность.

С сестрой Лидией она была полной противоположностью. Лидия – тип пикантной особы – голубоглазая, с курносом носом, пышными светлыми волосами и как говорится – «в теле». Уже в 16 лет она завела бурный роман с женатым мужчиной, а затем были и другие амурные приключения. Ночью через окно она убегала на свидание, а вернувшись, тихо влезала в комнату. Клава была в курсе ее дел, но держала рот на замке. Родители и не догадывались о похождениях своей старшей дочери. Однако любовные интрижки не помешали ей в 20 лет удачно выйти замуж за молодого человека из зажиточной семьи, и Лидия ушла жить в его добротный, хорошо обставленный дом. Пока ее семейная жизнь благополучна, судя по письмам, которые она пишет Клаве, но одно омрачает Лидию, что она, по всей вероятности, бесплодна, и это со временем может набросить тень на ее семейное счастье.

Клаве же всегда было трудно перейти грань дозволенного в отношении с мужчиной, в ней было заложено зерно целомудрия, и хотя она многим нравилась и ей нравились, но дальше легкого флирта ни с кем дело не пошло. А ей уже шел тем временем 19-ый год.

Как раз в этот период у братьев появился новый знакомый, симпатичный, серьезный молодой человек. Звали его Владимиром. Он был по профессии инженер-путеец. Интересы у них были общие, и порой друзья засиживались допоздна за разговорами. Клавдия была гостеприимной хозяйкой, ставила самовар, пили чай с вареньем. Братья заметили, что Владимир смотрит на Клаву с особым интересом и стали над ней подтрунивать. Затем начались их совместные прогулки, а однажды Владимир признался Клаве в любви и сделал ей предложение. Клавдии он нравился, и она дала согласие на брак.

Владимир жил с матерью, маленькой горбуньей. Горб у нее начал расти после падения с лестницы. Это произошло, когда мальчику было 12 лет. Отец вскоре оставил их, уйдя к другой женщине, и время от времени присылал скудное содержание. Как только Владимиру исполнилось 15 лет, он отправился в Депо и устроился подручным, проявляя трудолюбие и интерес. Зарплата была небольшая, но мать вела экономно хозяйство, и голодными они не сидели. На Володю обратили внимание и предложили ему вечерами учиться на инженера-путейца, и в течение двух лет он добротн освоил свою специальность. Заработок стал приличным, Володя привел дом в порядок, пристроил еще две комнаты на случай женитьбы. Перед Клавдией он поставил условие, что после свадьбы она переедет жить в его дом, так как мать свою он не оставит. Так Клавдия и поступила. Однако с первого дня совместной жизни она почувствовала себя очень неуютно в доме мужа.

Стоило Владимиру уйти, как мать хмурилась, поджимала губы и молча бросала злые взгляды на невестку. Клава поняла, что она пришлась ей не по душе. Целый день до прихода Владимира Клавдия ощущала на себе недобрый, сверлящий взгляд. Мать следовала за ней

повсюду, если Клава выходила во двор, то та стояла у окна и смотрела, куда она идет. Даже к родителям без Владимира она не могла сходить. В своем родном доме Клава пользовалась полной свободой, и такое тюремное заточение претило ее натуре.

Владимир, занятый целый день на работе, на жалобы Клавы смотрел как на что-то несущественное и надеялся, что со временем жена и мать поладят между собой.

Через четыре месяца их совместной жизни Клава обнаружила, что забеременела. Ей стало жутко от мысли, что родив ребенка, она навсегда прикует себя к этому, ставшему уже ненавистным, дому. И она принимает отчаянное решение: собирает сумку вещей, свои деньги, предупреждает только сестру Лидию, что уезжает в Москву и к Владимиру больше не вернется.

Выйдя днем из дома, она отправилась на вокзал, и через два часа поезд увозил ее навстречу другой жизни.

IV

В Москве на Тихвинской улице в старом, двухэтажном доме жила тетя Маша, так они все ее звали. На первом этаже у нее была однокомнатная квартира с ванной и туалетом. Большая комната разделялась аркой на спальную и столовую. Тете Маше было около 40 лет. Поклонников в жизни было достаточно, романов – тоже, но замуж она так и не вышла. Привыкнув к свободе, не желала одевать «хомут», как она говорила. Был момент – хотела родить ребенка, но подумала о молве, проблемах и раздумала.

Много лет тетя Маша проработала на фабрике, а к 40 годам стали отекают ноги, и она перешла там же работать в дежурку.

Тетя Маша была белокожая, голубоглазая, полная, с чудесными ямочками на щеках – женщина, за которыми обычно закрепляется прозвище «аппетитная».

Клава выложила ей все свои беды начистоту и попросила найти врача, чтобы прервать беременность. Деньги у нее были, отец дал ей на свадьбу приличную сумму денег, и она их сохранила. Спросила у тети Маши разрешения пожить у нее какой-то период времени, и когда та согласилась, дала ей часть денег на питание. Деньгам тетя Маша очень обрадовалась, заработок у нее был небольшой. Она готовила вкусно, любила готовить и Клава стала с удовольствием уплетать еду, состряпанную ее руками. За годы жизни в Москве у тети Маши сложились свои связи, и сейчас она думала о том, к кому лучше обратиться, чтобы не навредить Клаве. Она вспомнила один свой роман с врачом-гинекологом и решила завтра отправиться к нему.

На другой день тетя Маша, надев свое лучшее платье, вместе с Клавой пришли в больницу, где работал Алексей Иванович, так звали врача.

– Ты также хороша, только еще пополнела, – встретил он такими словами свою бывшую любовь. – Что за проблемы тебя привели ко мне?

Узнав все о Клаве и о том, что она решительно настроена не возвращаться к мужу, Алексей Иванович согласился помочь ей, и в тот же день Клавдии сделали операцию.

Дома тетя Маша заботливо хлопотала около Клавы, а заодно учила ее житейским премудростям и дала рецепты, помогающие избежать нежелательной беременности.

А спустя два дня, в воскресенье, появился Владимир. Он все-таки разузнал адрес тети Маши и приехал с надеждой увезти Клавдию с собой. Владимир осунулся и побледнел за эти несколько дней. Клаве стало жаль его, но она смотрела на него уже чужими глазами и возвращаться к нему не хотела. Владимир это понял. В последний раз они побродили по весенней Москве, зашли в нотариальную контору, где Клавдия написала заявление на развод и передала его Владимиру, а вечером она проводила его на поезд. Так грустно закончилась ее недолгая семейная жизнь.

Клава чувствовала, что ей надо найти какую-нибудь работу. Она отвлекла бы ее от тяжелых мыслей и дала бы пусть небольшой, но заработок.

Она поделилась своими мыслями с тетей Машей и та обещала что-нибудь придумать. На другой день тетя Маша сказала, что при фабрике по вечерам работают курсы по ликвидации неграмотности, есть свободное место. Так как Клавдия закончила библиотечные курсы, начитана, хорошо пишет и считает, то тетя Маша предложила ее кандидатуру. Клава согласилась и ей даже понравилась эта работа.

Кроме обучения грамоте, она читала сказки, рассказы Тургенева, Чехова, Куприна. Голос у нее был выразительный и ее с удовольствием слушали. Здесь же работали разные кружки, в том числе и театральный. Молодой режиссер Леня Павлов обратил внимание на внешность Клавдии, ее выразительное чтение и предложил посещать кружок. Она с головой ушла в это дело, подготовила и сыграла несколько ролей, а зрителями были работники фабрики. Жизнь захватила ее, днем она готовилась к урокам, учила роль, а вечером с удовольствием приходила на работу. В те вечера, когда она посещала театральный кружок и возвращалась поздно, Леня стал провожать ее. Они вели разговоры об искусстве, театре, а однажды он познакомил Клаву со своими друзьями из молодой артистической среды. Порой они устраивали шумные вечеринки, и Леня был всегда около Клавы. А спустя полгода после одной из таких вечеринок у них начался бурный роман.

Клаве казалось, что она вполне счастлива, они поговаривали с Леней о совместной жизни. Но однажды он не пришел на репетицию, Клавдия заволновалась, а потом кто-то принес страшную весть – Леня погиб. Он поскользнулся и попал под трамвай. Для Клавы это был тяжелый удар. Она впервые задала себе вопрос: «Почему у меня так получается? Что во мне такого, что именно так поворачивает жизнь?» – И не находила ответа. Только, только она узнала кусочек счастья, как судьба отняла у нее дорогого ей человека.

Спустя неделю после смерти Лени театральный кружок заработал снова, появился новый режиссер, тоже молодой, симпатичный, но Клавдию уже туда не тянуло. Гуляя по Москве, по тем местам, где совсем недавно они бродили вдвоем, ей становилось особенно тяжело.

Клавдия написала Нине о своей утрате, и когда та предложила ей переехать в Нижний Новгород, она согласилась и стала собираться в дорогу. Съездила на пару дней во Владимир, попрощалась с отцом, матерью. Старший брат Михаил стал пить, и дома из-за этого были частые скандалы с отцом. Встретилась и с Лидией, которая прекрасно выглядела и видно была довольна своей жизнью.

На вокзал провожать ее пошел отец, ему было грустно расставаться с дочерью, которая его любила и понимала. И как оказалось позже, это была их последняя встреча, годы его жизни были сочтены...

Тетя Маша привязалась к Клаве, почти год около нее прожил близкий человек, раньше родственники приезжали на один – два дня посмотреть Москву и уезжали, забыв о ней. Возможно, в привязанности к Клаве сказалось нереализованное ею материнское чувство. Если бы Клава раздумала уезжать, она была бы этому рада. Но билет на поезд куплен, вещи собраны. Клава обычно проявляла твердость в своих решениях, и час расставания настал. Тетя Маша всплакнула, Клава обняла ее. Она была ей благодарна за поддержку, заботу, оставила немного денег и... – «Прощай, Москва! Встречусь ли я с тобой снова», – думала Клавдия, а стук колес уносил ее в новые края.

Нина встретила Клаву на вокзале, они не виделись несколько лет и им было что рассказать друг другу.

Устроившись на работу, жизнь Клавы потекла размеренно и однообразно. Но после пережитых личных драм, ей это даже нравилось.

Нина встречалась с Олегом, юристом по образованию, уже два года длилась их связь. Они собирались пожениться, но Олег обещал решить сначала квартирный вопрос, чтобы не скитаться им вместе по чужим углам. Олег познакомил Клаву со своим другом Аркадием, и

они неплохо проводили время: выезжали на пикники, посещали театры, заглядывали порой и в ресторанчики, если были деньги.

Клава держала Аркадия на расстоянии, смотрела на него как на приятеля, чем очень огорчала его. В ее душе еще жил трагический образ Лени Павлова. И вот встреча с Миружаном взбудоражила ее размеренную жизнь...

V

Наступило утро после тревожной ночи. Клава, собираясь на работу, сказала Нине, что решила уехать с Миружаном. В школе же выполнит некоторые формальности, напишет заявление о срочном увольнении и оставит доверенность Нине, чтобы та получила ее небольшую зарплату и использовала эти деньги.

Посоветовавшись, они решили не говорить никому о ее отъезде с Миружаном, а скажут, что Клава уезжает во Владимир из-за болезни матери. Клава чувствовала, что в ее поездке с Миружаном есть что-то от авантюрных приключений, и не хотела свои действия предавать огласке. Кто в молодости не мечтает совершить дерзкий поступок! Она написала письмо родителям, где сообщила все как есть, и попросила Нину отправить его, если она вечером не вернется. Выполнив все формальности, Клавдия прошла по магазинам и купила себе элегантный светло-серый костюм, красивое белье и маленькую сумочку, куда положила свои документы и решила их всегда держать при себе на всякий случай. У нее еще оставалось несколько свободных часов, и она выспалась, дневной сон всегда благотворно влиял на ее нервную систему. В 4 часа пришла с работы Нина. Они вместе пообедали, обменялись наставлениями на будущее. Затем Клава собрала небольшой чемоданчик, зимние вещи решила не брать, навряд ли они ей в Иране пригодятся. Тщательно уложила прическу, одела новый костюм и даже Нина, привыкшая к ней, смотрела на нее с восхищением.

Клавдия чувствовала возбуждение, в ней просыпался азарт игрока. Она уже не боялась, а смело смотрела в будущее. «Что будет, то и будет» – сказала она и, тепло простившись с Ниной, пошла навстречу судьбе.

К пристани Клавдия подошла в начале седьмого, она увидела Миружана издали и заметила его волнение. Одет он был во все белое. – «Настоящий жених», – отметила она.

По выражению его лица она поняла, что он очень ждал ее, и подойдя, обняла его.

– «Я счастлив,» – сказал Миружан. – «Вся команда ждет тебя. Прошу подняться на парход.» И, взяв ее под руку, они поднялись на палубу. Команда дружно приветствовала ее, каждый про себя отметил хороший выбор Миружана. Кругом была чистота, на палубе лежала длинная дорожка, стояли вазы с цветами.

– Пойдем, дорогая, я покажу тебе нашу каюту, – сказал Миружан.

Каютка была обставлена с роскошью, на полу лежал прекрасный ковер ручной работы. Постель была устлана стеганными одеялами из шелка, а у стены разбросано много подушек. Около кровати стоял столик резной работы, на нем фарфоровые вазы с фруктами и сладостями. У одной из стен прекрасный книжный шкаф, полный книг. Миружан открыл дверцу шкафа и сказал:

– Эти книги на русском языке, они все твои. Омар купил их для тебя.

Такое внимание тронуло ее. Миружан показал Клаве на пароходе все, что ей могло понравиться.

На палубе вкусно пахло жареным мясом. «Это шашлыки, – пояснил Миружан. – Мясо жарится в особой открытой печке. Чтобы оно было нежным, его перед жареньем маринуют в течение нескольких часов».

Они подошли ближе, и Клава с интересом рассматривала кусочки мяса, одетые на металлические палочки, и при жарке палочки время от времени переворачивали, чтобы равномерно прожарить мясо. В большом котле готовился аппетитный плов.

– Чтобы плов получился хороший, очень важна пропорция мяса, масла, риса и воды. Много берется моркови и лука, а специи – по вкусу, – продолжал Миружан.

– Миружан, ты так объясняешь, словно умеешь готовить, – сказала Клавдия.

– На Востоке лучшие повара – это мужчины, и каждый мужчина на Востоке умеет готовить, а некоторые мужчины и не доверяют женщинам такое важное дело, – смеясь ответил Миружан.

В 8 часов вечера он дал приказ капитану отплывать, и пароход не спеша пошел вниз по Волге. Клавдия и Миружан постояли на палубе. Мимо проплывали высокие лесистые берега. Вечер был тихим, и почти не чувствовался ход машины.

– Дорогая, – обратился к Клаве Миружан. – Ты не возражаешь, если мы посидим мужской компанией, а тебе накроем стол в каюте?

– Я буду этому рада, сделайте мне только чай, вино и прочее я не люблю.

Клавдия уже проголодалась, а кругом так аппетитно пахло!

Миружан попросил разжечь самовар. Тем временем в каюту для нее принесли ужин. Здесь был красиво оформленный салат, икра красная и черная, кусок сливочного масла для бутербродов, тонко нарезанная копченая севрюга, несколько палочек шашлыка и тарелка плова, посыпанная мелко нарезанной зеленью.

Клава с удовольствием осталась одна, столько необычного она пережила сегодня. Поела всего понемногу, а от прекрасно заваренного чая, всяких пирожков, сладостей пришла в восторг. Она переделась в шелковый халат, восточные домашние туфли, подаренные ей Миружаном и почувствовала себя совсем свободно.

Клава подошла к зеркалу. Блестящий халат зеленовато-кремовых оттенков очень шел ей. Она слегка подкрасила губы, распустила пышные волосы. «Соблазнительна», – шутливо произнесла вслух. Взяв книгу, она рассеянно стала читать.

Водоворот событий этих двух дней не давал ей времени подумать об интимной стороне жизни. Оставшись одна, Клавдия почувствовала, что этот момент приближается. Она не испытывала к Миружану влечения, как к Лене Павлову, тем не менее это должно случиться, и она чувствовала волнение и страх перед неизвестностью.

Часа через три мужчины стали расходиться. Клавдия отправилась принять душ. Когда она вернулась, Миружан слегка подвыпивший был уже в каюте. Он преподнес ей роскошную ночную рубашку из прозрачной ткани, и когда она хотела ее одеть... произошло то, что обычно бывает между мужчиной и женщиной. Все произошло стремительно, а когда кончилось, Клава, не имеющая большого опыта в любовных делах, заметила, что близость с Миружаном вызвала у нее чувство неприязни, хотя Миружан не проявлял грубости, излишеств. И это чувство неприязни она испытывала каждый раз после их близости.

Клава обладала внутренним тактом и чувствовала, что не сможет сказать Миружану о своих ощущениях и решила хранить это в тайне.

К счастью Миружан принадлежал к тем мужчинам, которых не очень интересуют чувства партнерши. Он привык «брать» женщин, обладать ими, рядом с ним была красивая женщина, она его возбуждала, что еще надо?

VI

Под утро Клава крепко уснула. Проснувшись она от дуновения свежего воздуха, идущего от полуоткрытого окна. Миружана в каюте уже не было. Она приняла душ, привела в порядок

прическу, наложила на лицо небольшой макияж и с волнением стала ждать встречи с Миружаном. Как он?

Миружан пришел с подростком лет пятнадцати, который нес самовар. На завтрак Клава попросила только бутерброды с красной икрой и булочек. Миружан был приветлив, в хорошем настроении. Поцеловав ее, он представил ей Хакима, так звали подростка. «Хаким – сын Омара, моего управляющего», – сказал он. – Завтра утром мы пребываем в Астрахань. Нам нужно там кое-что продать и решить таможенные дела, а ты с Хакимом погуляй по городу, посмотри достопримечательности, можешь искупаться в море, если будет жаркий день. Деньги я дам. А к 4 часам перед отплытием возвращайтесь на пароход, – Миружан не хотел, чтобы пребывание Клавы на пароходе было замечено с берега.

На другой день так они и сделали. Клава с Хакимом после завтрака прошлись по городу. День был жаркий, неприятность доставляла мелкая мошкара. Клава зашла в магазин, купила купальник, и они с Хакимом пошли на пляж. Купание в море доставило ей большое удовольствие. Проголодавшись, они зашли в ресторанчик и вкусно пообедали крупными пельменями, которые здесь назывались манты. Хакиму захотелось посмотреть мечеть и другие достопримечательности. Так незаметно прошло время, пора было возвращаться на пароход.

– У меня еще есть возможность остаться – деньги, документы с собой, – подумала Клавдия. Но судьба уже завертела свое колесо, и она послушно пошла в сторону парохода.

Пароход был готов к отплытию и вскоре, покинув устье Волги, вышел в открытое море. Клава и Миружан стояли на палубе. Она впервые совершала путешествие морем. Берег постепенно удалялся и Клава почувствовала, как вместе с этим теряется ее связь с Родиной.

На море была легкая волна, и над ним только голубое, куполообразное небо. Миружан и Клава полюбовались этим величественным зрелищем.

Когда спустились в каюту поужинать, Миружан сказал: «Женщины на Востоке любят украшения. Я думаю, что и тебе они будут нравиться, – и он протянул ей шкатулку, в которой лежал набор из бирюзы и ажурного серебра: браслет, ожерелье, серьги и кольцо. Бирюза была крупная, ярко-зеленого цвета. Клава впервые видела ее.

– Этот набор – работа известного иранского мастера, а иранская бирюза считается лучшей в мире, – пояснил Миружан.

Клава поцеловала его и, чтобы сделать приятное Миружану, примерила украшения, и в зеркале она увидела его восхищенный взгляд. К ночи ветер начал крепчать, качка стала сильнее, и Клава почувствовала себя плохо, ее начали мучить приступы тошноты. Миружан уложил ее в постель и посоветовал время от времени посасывать дольки лимона. Морская болезнь – вещь неприятная, а им еще сутки надо было бороздить морские просторы Каспия.

Весь вечер Миружан был задумчив, завтра он должен сказать Клаве истинное положение вещей. Как она отреагирует, что будет?

Прошла ночь, Клава почти не спала. Она ни о чем не могла думать и только ждала, когда этот кошмар кончится. Приступы морской болезни измотали ее.

Часам к 10 утра ветер начал ослабевать, а еще часа через два установился штиль. Клава понемногу стала приходить в себя. Она смогла пойти принять душ и попросила что-нибудь поесть.

– Значит ты выздоравливаешь, а то осунулась, побледнела, – сказал Миружан, входя в каюту, когда она приводила себя в порядок перед зеркалом.

– Обед и воздух быстро восстановят твои силы, еще каких-нибудь 5–6 часов и наше путешествие закончится.

Пришел Хаким с самоваром и быстро сервировал стол. Затем на подносе он принес куриный суп с длинной лапшей, жареный картофель, обложенный дольками огурцов и помидоров, две ароматно пахнущие котлеты и к чаю крупное печенье с изюмом.

Обед был таким вкусным, что Клава с удовольствием все съела. Миружан улыбался, глядя как она аппетитно ест. После обеда он предложил ей выйти на палубу, подышать свежим воздухом. Было тепло, солнце светило ярко, светло-голубое небо было без единого облачка. «Юг», – подумала Клава. – Здесь все другое, даже небо».

Члены команды, проходя по палубе, с интересом посматривали на Клавю, они знали, что скоро произойдет объяснение и задавали себе вопрос: «Чем все кончится?»

Время шло, Миружан чувствовал, что тянуть дальше нельзя и сказал:

– Клава, пойдем спустимся в каюту, у меня к тебе будет серьезный разговор.

По его тону она поняла, что дело действительно серьезное, и собрала свою волю, чтобы выслушать его. В каюте Миружан предложил ей сесть, но она предпочла выслушать его стоя. Он встал сзади нее, и они в зеркале видели отражение друг друга.

– Дорогая, я ведь восточный мужчина, а у нас свои традиции, – начал Миружан. – Я не сказал тебе всей правды, зная ее ты бы не уехала со мной. Дело в том, что я женат, у меня даже две жены, есть дети и гарем, где сорок женщин, которых я содержу.

– Боже! – подумала Клава. – Что он говорит?

На минуту ей показалось, что пол парохода уходит из-под ног, что это не она, а кто-то другой выслушивает весь этот бред.

– Ты будешь моей любимой женщиной, – словно издалека доносились до нее слова Миружана.

Когда смысл сказанного дошел до ее сознания, она мгновенно оценила весь ужас своего положения. Она – женщина, которую везут в гарем, в чужую страну. Она – белая рабыня. Сколько романов она прочитала о таких историях, и вот сейчас это происходит с ней! С ней! Миружан обманом увез ее! Что делать? – лихорадочно сверлила мысль. – Бежать! Добраться до Советского посольства! Беречь документы! Ухватившись за найденный выход из создавшейся ситуации, она успокоилась и решила действовать согласно обстоятельствам.

Клавдия была одной из тех женщин, из которых трудно выбить слезу. Из любой трудной ситуации она прежде всего искала выход и не теряла чувства собственного достоинства. Видя, что Миружан внимательно следит за выражением ее лица, и время идет, она просто сказала: «Любимой женщиной? Ну, что же, пусть так и будет».

Миружан ожидал все что угодно, но не этого спокойного ответа. Он видел много на своем веку женских слез, истерик, угроз самоубийства – но с такой реакцией он столкнулся впервые. Миружан облегченно вздохнул, подошел к шкафу и, открыв ящик, подал Клаве маленькую коробочку.

– Открой, дорогая, это тебе в знак нашего примирения.

Она машинально открыла коробочку: там было великолепное кольцо с крупным изумрудом в окружении мелких бриллиантов и в платиновой оправе. Когда они вместе миролюбиво вышли на палубу – вся команда им дружно заулыбалась.

Но пережив эти жуткие минуты, Клавдия осознала, что она – временный гость в доме Миружана. Наступит момент, и она вырвется оттуда, чего бы ей это ни стоило. А пока она решила просто жить, радоваться жизни и извлечь пользу из создавшегося положения.

Миружан, стоя на палубе, внимательно вглядывался вдаль: «Еще часа два и появится земля. Знаешь, дорогая, если ты усвоишь несколько правил и будешь им придерживаться, то тебе пребывание в моем доме будет доставлять немало хорошего.

– Каковы же эти условия или правила, как ты говоришь?

– Прежде всего ты должна понравиться моей матери, Лейле-ханум. Не я, а она главный человек в доме. Я часто в разъездах, а за домом и за гаремом следит она. Лейла-ханум – мудрая и умная женщина, она мелочно никого не опекает, ни за кем не следит, но если она кого не влюбит, то держись, найдет способ, как уколоть змеиным ядом.

– И что же я должна сделать, чтобы ей понравиться?

– Будь сама собой, не пыжься, у тебя располагающая естественная манера общения с людьми, и это – твой главный козырь. Я думаю, что и Лейле-ханум это понравится.

Когда зайдем, слегка поклонись и скажи: «Салям аллейкум», – это приветствие вроде русского слова: «Здравствуйте». Внешне приведи себя в порядок, это ты умеешь, одень светло-серый костюм и к нему бирюзовый набор. Лейла-ханум поймет, что это мой подарок, и раз ты его одела – это уже хороший знак.

Второе условие – не устраивай мне сцен ревности, ревнивые женщины мне быстро надоедают.

Третье условие – держись подальше от интриг. Есть женщины в гареме, которые любят интриговать, чтобы завоевать мое расположение – это своего рода борьба за первенство, и порой возникают весьма драматические ситуации. Вот основные условия, а теперь о твоих правах. Ты будешь жить в центральном доме – этого устаиваются не многие женщины. У тебя будут свои комнаты с выходом на веранду. Тебе будет прислуживать девушка, она выполнит твои поручения, наведет чистоту, принесет обед.

Я думаю, будет неплохо, если ты научишь ее русскому разговорному, а она тебя – персидскому. Поладишь с ней, считай, что у тебя будет верная подруга. Выезды в город, по магазинам и другим делам только с Лейлой-ханум. Одну тебя просто не выпустят, так как вся территория охраняется. Прогуливайся в саду, фруктовые деревья, дорожки, цветы, беседки – есть где дышать воздухом. Хочешь плавать – есть летний бассейн в саду, который заполняется морской водой. Мои люди специально в бочках привозят ее с моря.

Книг Омар купил тебе много, читай, а когда надо будет купить еще, найдем возможность, как это сделать. Ну, а теперь, дорогая, спустимся в каюту, мне надо проследить, чтобы команда все подготовила к приезду, а ты собери свои вещи и можешь из шкафа вынуть книги и перевязать их стопками, так мы их и увезем.

Клава быстро справилась с этим заданием и с полчаса отдохнула, для цвета лица, как она говорила.

VII

Клава сидела перед зеркалом и тщательно приводила себя в порядок, когда вбежал Хаким с криком: «Земля, земля!»

Клавдия уже полностью готовая вышла на палубу. Члены команды суетливо ходили по пароходу, доделывая последние дела. Миружана и Омара не было видно; наверно, просматривали счета. Клава подошла к корме, облокотилась на борт парохода и, вглядываясь вдаль, увидела приближающийся берег. «Чужой берег», – подумала она. Порт выглядел довольно живописно. Он располагался полукругом к берегу моря, а вдали за ним видны были горы, покрытые растительностью.

Скоро стали вырисовываться дома, они были не такие как в России, а с плоскими крышами и видно, глинобитные, с высокими, тоже глинобитными заборами. Сзади тихо подошел Миружан: «Мы видим сейчас район бедняков, а богатый квартал скрывает холмистое побережье. Там много двухэтажных домов из местного кирпича и большими тенистыми садами. Там же располагается небольшой отель для туристов, магазины, административные здания.

«Дорогая, мы с тобой пройдемся немного по берегу, пока будет идти разгрузка парохода. Я вперед посылаю человека, чтобы он предупредил мою мать, что я приехал не один, и прислали за нами машину».

Пароход подходил к причалу, уже слышна была незнакомая речь. Сойдя с трапа парохода, Клава с удовольствием ощутила под собой твердую землю. Она радовалась тому, что путешествие закончилось. Ей предстояло знакомство с людьми, традициями страны, в которую ее забросила судьба. Как она, Клава, впишется во все это и примут ли они друг друга?

Будучи по своей природе любознательной, Клавдия, прогуливаясь по берегу с Миружаном, с интересом рассматривала окружающее.

– Миружан, смотри! – смеясь, она указывала на высокого перса в национальной одежде, верхом сидящего на низкорослом животном с длинными ушами, и ноги перса почти касались земли.

– Это небольшое животное – мул, в России его называют ослом, между прочим он большой труженик. В бедных семьях это просто незаменимый помощник.

– Миружан, я что-то совсем не вижу женщин, если не считать двух иностранок, видно туристов.

– В провинциальных городах Ирана очень сильны традиции. Таков и этот город. Женщина – это хранительница домашнего очага. Семьи, как правило, многодетны, поэтому женщина большую часть времени проводит дома. Мужчина же зарабатывает средства на жизнь, он и является хозяином в доме.

Есть женщины, которые не выходят без чадры, обычно черной или цветной. Она представляет собой большое покрывало, которое набрасывается поверх одежды и как бы укутывает ее, голову, лицо, фигуру. Материал просвечивающий и женщина видит окружающих, ее же лицо скрыто от посторонних глаз.

– Посмотри! Вон идут две гилянки, я узнал их по одежде. Они вообще не носят чадру и довольно независимы, но головы покрыты большими платками.

Клавдия обратила внимание на двух худощавых женщин. На них были одеты белые рубашки и короткие юбочки в мелкую складку, вверху – темные длинные кофты с вырезом на шее и как и юбки обшиты по низу полосками другой ткани, на ногах, видно вязанные, высокие носки.

– В богатых семьях чадру уже не носят, – продолжал разговор Миружан. – Но считается хорошим тоном, когда голова женщины прикрыта косынкой или шарфом. В Тегеране нравы более свободны, там можно встретить иранских женщин и в европейской одежде, есть деловые женщины. Вообще Иран – разноликая страна.

На пристани, где они прогуливались, прямо на открытом воздухе жарили шашлыки, в тени под навесом стояли столики, где несколько мужчин обедали и пили ароматный чай.

– Миружан, я могу здесь сесть и выпить чай?

– Вполне, – ответил Миружан.

Клава села за столик, а вежливый хозяин услужливо ставил перед ней в маленьких тарелочках разные сладости. Чай ей тоже налили в маленькую чашечку. Выпив чашку, она заказала еще, потом еще, и наконец, не выдержав, сказала:

– Миружан, нет ли здесь нормального стакана? А то мне уже просто неудобно заказывать и заказывать!

Миружан, улыбаясь, поговорил с хозяином шашлычной и вскоре Клаве принесли большой чайник с ароматно заваренным чаем и две большие пиалы, теперь и Миружан решил присоединиться к чаепитию. Окружающие и хозяин весело посматривали в их сторону.

К пристани подошел черный «форд» с открытым верхом.

– Клава, за нами пришла машина, – сказал Миружан.

Поблагодарив радушного хозяина, Клава вместе с Миружаном направилась к «форду».

Молодой шофер с живыми карими глазами, увидев их, соскочил с сиденья машины и открыл дверцу перед Миружаном и Клавдией. Усадив Клаву на заднее сиденье, Миружан сел рядом с шофером, ему не терпелось узнать последние новости.

Машина набрала ход, и Миружан с Фархатом повели беседу. А Клавдия всю дорогу с интересом рассматривала дома, витрины небольших магазинов, тянувшихся вдоль дороги. Дома были из белого кирпича, с большими верандами, отделанными деревянной резьбой. Увидела она и двух женщин в чадре. Невозможно было определить их возраст.

– Да, – подумала Клава. – Чадра действительно скрывает не только лицо, но и фигуру женщины. Все как бы скрыто от людских глаз.

По дороге мимо них проезжали груженные телеги. Видно, это основной местный транспорт, только около отеля стояли несколько машин. За отелем мелькнула витрина книжного магазина, и она несказанно обрадовалась, прочитав на вывеске наряду с другими и русское слово «Книги». Одно это слово подняло ей настроение, и она почувствовала себя не так одиноко.

«Наверное, какой-нибудь русский эмигрант владеет магазином, – подумала Клава. – Возможно, говорит по-русски».

Проехав еще квартал, машина остановилась перед большим особняком.

VIII

– Приехали, путешествие закончилось, – сказал Миружан.

«А для меня все только начинается», – подумала Клавдия и ощутила сильное волнение до легкой дрожи. Она знала, что от первых минут встречи с матерью Миружана и другими, во многом будет зависеть ее жизнь в этом доме.

Открылись красивые резные ворота, и машина въехала во двор, а Миружан повел Клавдию мимо охранников в дом.

Дом весь светился огнями, хотя были еще легкие сумерки – этим подчеркивалась значимость приезда хозяина. Они вошли в большой вестибюль, отделанный восточным орнаментом, и минуя лестницу на второй этаж, пошли по длинному коридору. Планировка первого этажа напоминала гостиницу, где по обе стороны коридора находились комнаты. Подойдя к последней двери направо, Миружан сказал: «Это дверь твоих комнат, она сейчас закрыта, но пока мы с тобой были на пристани, комнаты привели в порядок. Тебе будет здесь удобно, рядом – выход в сад».

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь также по одну сторону располагались комнаты, а на другой стороне, в центре, были открыты настежь двери, и оттуда бил яркий свет.

«Наверное, зал», – подумала Клавдия.

Не замедляя шагов, Миружан, слегка поддерживая Клавдию под руку, вошел с ней в зал. Клавдия на несколько секунд остолбенела от того, что увидела. Весь пол зала был устлан великолепными большими коврами, и женщины гарема сидели по-восточному на этих коврах, низко склонив головы. Одеты они были в прозрачные, сверкающие наряды, сквозь которые просматривались очертания линий тела. Бросились ей в глаза и украшения: браслеты, ожерелья, кольца, крупные серьги, а у некоторых поблескивали украшения даже в носу.

«Словно театральное представление», – усмехнулась про себя Клавдия.

В центре же на кресле сидела интересная женщина лет пятидесяти пяти. Лейла-ханум с первого взгляда произвела на Клаву сильное впечатление. Величественная, прямо королевская осанка, красивые стрелой взметнувшиеся черные брови, большие глубокие темные глаза с густыми ресницами. Синее бархатное платье с национальной вышивкой бисером и золотой нитью красиво оттеняло ее лицо, а на уложенные вокруг головы черные волосы был наброшен длинный прозрачный шарф, скрепленный красным камнем в золотой оправе. По обе стороны от Лейлы-ханум стояли две молодые женщины, три девочки и два мальчика.

«Жены и дети Миружана», – мелькнуло в голове у Клавдии. Однако приступа ревности она при этом не ощутила.

Чувствуя устремленный на нее взгляд нескольких десятков глаз, Клава, взяв себя в руки, гордо вскинула голову, а когда ей Миружан шепнул: «Подойди ближе к матери», – она смело прошла несколько шагов и с такой элегантностью поклонилась и поздоровалась с его матерью, что Миружан понял – сердце Лейлы-ханум завоевано.

Лейла-ханум с нескрываемым интересом рассматривала Клаву и вела беседу с Миружаном. Клава понимала, что разговор идет о ней и стояла в спокойно выжидающей позе. Спустя минут десять Миружан уже по-русски сказал: «Мадар Лейла желает тебе благополучного пребывания в нашем доме».

– Рахмат рахим (спасибо) – слегка поклонившись, ответила Клавдия и под руку с Миружаном вышла из зала.

«Смотрины закончились», – сказал он. – И, кажется все прошло благополучно».

Когда они спустились вниз, то дверь комнаты была открыта, и молодая девушка лет шестнадцати ставила цветы в вазу.

– Познакомься с дочерью Омара – Зайнаб. Она будет выполнять все твои поручения, – сказал Миружан. – Ты с дороги устала, отдыхай, привыкай к новой обстановке. Я приду завтра вечером, а сегодня мне необходимо вернуться в зал, побыть с матерью и детьми. Зайнаб немного говорит по-русски, так что тебе будет с кем беседовать, – поцеловав Клавдию, он вышел.

Оставшись одни, Зайнаб и Клавдия несколько мгновений рассматривали друг друга и почувствовали взаимную симпатию. Клавдия попросила Зайнаб принести ужин и чай. Клавдия попала в необычную для себя обстановку и ее все интересовало. За ужином она спросила Зайнаб, где живут женщины гарема, и кто находится рядом с ее комнатами.

Зайнаб говорила на ломанном русском языке, где-то жестами, но Клава поняла ее. «Гарем расположен в здании внутри двора. В центральном же доме на первом этаже останавливаются самые почетные гости, а сам Миружан, его мать и две жены с детьми живут в комнатах второго этажа. – Поместив Клавдию в центральном доме, Миружан дал всем понять, что она для него любимая женщина. На первом этаже много комнат свободных, а ближе к основному входу живут престарелые родственники», – закончила свою речь Зайнаб.

Клавдия поблагодарила девушку и сказав, что хочет побыть одна, отпустила ее до 10 часов утра следующего дня.

Поеживав, приняв ванну, которую ей приготовила Зайнаб, и переодевшись в халат, Клава почувствовала себя бодро и решила рассмотреть свое новое жилье. В ее распоряжении были две комнаты с выходом на большую веранду, где стоял широкий топчан, низкий столик, лежала ковровая дорожка и что очень порадовало Клаву – это самовар. «Миружан умеет быть внимательным», – подумала Клава.

В жаркие вечера здесь приятно проводить время. Около веранды был разбит розарий, и аромат от роз наполнял не только веранду, но и комнаты.

Пол и стены комнат были покрыты коврами, но мебели было немного. Книги, которые купил Омар, уже стояли в шкафу. Здесь же две полки были заняты посудой. Около широкого дивана, обитого парчой, находился низкий столик на изогнутых ножках и на нем в вазах – фрукты, орехи, восточное печенье и сладости. По другую сторону в ряд стояли несколько стульев, обитых той же парчой. На полу стояла высокая керамическая ваза со свежесрезанными цветами. В спальне – большая кровать с одной спинкой, много одеял, подушек, занавеси и покрывало из золотистой парчи, небольшой шкаф для одежды, зеркало с туалетным столиком, низкий пуфик – вот и все убранство, однако, оно выглядело добротным, новым, а ковры придавали роскошь.

Повесив свою одежду в шкаф, она взяла книгу и легла почитать. После морской качки мягкая, широкая постель показалась ей блаженством, а полный волнений день утомил ее, и она вскоре крепко уснула.

IX

Проснувшись Клавдия рано, освеженная и отдохнувшая, разожгла на веранде самовар и с удовольствием выпила чай с печеньем, а в 10 часов к ней пришла Зайнаб с завтраком. За завтраком она сообщила, что Лейла-ханум прислала Клавдии несколько отрезков тканей, если они ей понравятся, то для Клавы из них сошьют платья национального покроя, в доме она должна носить традиционно-принятую одежду, а в европейской – будет выезжать только в город.

Это известие неприятно кольнуло самолюбие Клавы, но она не показала вида, а просмотрела внимательно материалы и дала согласие. Зайнаб сняла с нее мерку, поинтересовалась размером обуви, забрала отрезки и ушла. «Сколько еще вот таких уколов самолюбия ждет меня», – подумала Клава.

Миружан обещал придти вечером, впереди у нее был целый день, и она решила выйти в сад. Территория сада была ухожена, красивые газоны с цветами, беседки из виноградников, много фруктовых деревьев, дорожки, посыпанные гравием и песком. В глубине сада она натолкнулась на бассейн. Клавдия вернулась за купальником, вокруг никого не было видно, и она с удовольствием поплавала в морской воде. Дни стояли жаркие, а здесь много зелени и вода создавали оазис прохлады. Клава сняла кисть винограда и села в беседку, чтобы съесть его. Она была здесь в полном одиночестве и задумалась: «У Миружана – жены, любовницы, и как я поняла, он будет приходить ко мне не каждый день. Такие отношения меня вполне устроят, так как удовольствия от интимной близости с ним я не испытываю. Возможно по этой причине и он постепенно охладит ко мне. Сейчас Миружан влюблен, а влюбленность многое прощает. Бегство осуществить в ближайшее время не удастся, слишком я на виду. Прежде всего надо избежать беременности, случись такое – мне придется родить ребенка и тогда возводимая мною мечта о бегстве может рухнуть. Конечно, на все воля свыше, не зря говорят – человек предполагает, а бог располагает – но кое-что можно предпринять».

Клавдия вспомнила некоторые советы тети Маши. Лимоны среди фруктов всегда лежали у нее на столе, и она решила использовать его сок, создающий кислую среду, как противозачаточное средство.

Остаток дня она провела в своих комнатах. Зайнаб принесла ужин. Клавдия попросила ее к приходу Миружана принести виноградного вина и кое-что из закусок, которые он любит. Зайнаб все принесла на красивом большом подносе, и Клавдия отпустила ее до следующего дня.

Клавдия была молода и далеко не рыба по своему темпераменту. Она вечером встречается с мужчиной и ей захотелось внести некоторое разнообразие в их отношения.

– Неизвестно когда удастся сбежать отсюда, – думала Клава. – А пока надо подогревать интерес Миружан к себе. Клавдия вспомнила, как на молодежных вечеринках, выпив одну-две рюмки вина, она становилась веселой, еще более привлекательной, и ребята толпой крутились около нее. Этот опыт ей сегодня пригодится. Поужинав, тщательно подготовившись к встрече, она одела роскошную ночную рубашку – подарок Миружана, набросила сверху халат, не застегивая его, и стала ждать. Время встречи приближалось. Миружан вошел без стука, как хозяин, и был приятно поражен тем, что стол сервирован его любимыми закусками, здесь были даже соленые маслины, которые он очень любил. А Клавдия, желанная и соблазнительная, загадочно ему улыбалась.

Восточный темперамент взял верх и тут же у него с Клавой состоялось любовное рандеву, и только после этого они приступили к трапезе, прерывая ее снова и снова любовными играми. Они провели бессонную ночь. Миружану Клавдия раскрылась новыми, неизвестными гранями. Клавдия же удивлялась себе, своей смелости, много нового в эту ночь ей открылось в интимной близости с мужчиной.

«В конце концов, – думала Клавдия, – я уже взрослая женщина и буду познавать премудрости любви, тем более что здесь от меня ничего другого и не хотят».

Уходя утром Миружан сказал: «Через четыре дня у Лейлы-ханум – день рождения, ей исполняется 55 лет. Я буду занят приготовлением к этому дню, к нам приедут много гостей. Завтра для тебя сошьют наряд для этого дня, подберут украшения, обувь. Тебе придется сидеть в первом ряду с женщинами гарема. Зайнаб научит тебя, как надо сидеть, с непривычки это утомительно. Мои друзья захотят на тебя посмотреть, когда я тебя позову, ты подойдешь, слегка поклонись и снова сядешь на свое место. Я понимаю, что тебе эта процедура не приятна, но таковы обычаи в моем доме и их надо соблюдать. В дальнейшем я постараюсь освободить тебя от присутствия на торжествах, но в день рождения Лейлы-ханум – это невозможно».

Когда Миружан вышел, Клавдия подумала: «Похоже, что жизнь мне преподносит роль, и хотя эта роль мне неприятна, но сыграть ее придется».

Она дождалась Зайнаб, договорилась с ней после обеда заняться правилами восточной этики, и отпустив ее, решила поспать несколько часов.

Четыре дня до даты рождения Лейлы-ханум прошли в суматохе. Клавдия училась сидеть по-восточному на ковре, ей примеряли наряд и украшения, и глядя на отражение в зеркале, она задавала себе вопрос: «Я ли это – русская женщина Клава?»

Восточный наряд преобразил ее – пышные, красивые волосы были спрятаны под прозрачным шарфом, а на центр головы и часть лба был одет высокий обруч типа русской коронки, с драгоценными камнями и свивающимися на лоб жемчужинами, в ушах – крупные золотые серьги с небольшими рубинами, на шее – массивное золотое ожерелье. Наряд с двумя пышными прозрачными юбками переливался золотисто-сиреневыми бликами, под ними были одеты шальвары, на ногах – светло-коричневые бархатные туфли с вышивкой бисером на небольшом каблучке. Из зеркала на Клаву смотрело красивое, но чужое лицо.

Гостей на день рождения прибыло много, до глубокой ночи шел пир. Выступали танцовщицы из гарема, сопровождал им небольшой ансамбль музыкантов. Клавдия, как и многие другие, выполнила свою роль и была рада, когда все осталось позади, и она смогла уйти в свои комнаты. Мужчины же продолжали пировать всю ночь, и засыпая Клава слышала трогательный душу восточный напев.

Через два – три дня после дня рождения жизнь Клавы стала входить в колею. Часа два каждый день Зайнаб учила ее местному разговорному языку, этике поведения. Клава рассталась со своими нарядами и носила традиционную иранскую одежду.

Миружан навещал ее через каждые три – четыре дня, кроме отъездов. Проведя с ним бессонную ночь, она с удовольствием отдыхала от него свободные дни, плавала в бассейне, много читала, гуляла в саду, но чувствовала, что долго такой уклад жизни она не выдержит. Ее жизнь, хотя и выглядела обеспеченной, но по сути мало чем отличалась от заточения.

Клава поинтересовалась у Зайнаб, как проводят время женщины гарема.

– Сплетничают, интригуют, бездельничают, ждут, когда Миружан навестит именно ее. Есть женщины, к которым Миружан уже полностью охладел, и они фактически живут как приживалки. Но есть среди женщин гарема и хорошие танцовщицы, певицы и даже поэтесса. Они совершенствуют свое искусство, и когда у него бывают мужские компании, он приглашает их усладить глаза и слух своих друзей танцами и песнями.

Так прошли три месяца...

Х

За это время Клава еще раз сидела с женщинами гарема на дне рождения Миружана, других значимых событий не произошло.

Однажды Зайнаб сообщила, что на следующий день Клавдия с Лейлой-ханум поедут вместе в магазин купить ей европейскую одежду.

«Испытательный срок для меня заканчивается», – подумала Клава. – Я веду себя разумно, ни во что не влезаю, как мне советовал Миружан. И как награда – меня везут в город».

Тем не менее это обстоятельство ее очень обрадовало. Она решила воспользоваться моментом и рассмотреть парадный вход, возникнет ли у нее когда-нибудь возможность ускользнуть мимо охраны. Ей очень хотелось зайти и в книжный магазин, но она почувствовала, что просить сейчас об этом Лейлу-ханум преждевременно. В другой раз это можно попробовать сделать через Миружана.

На следующий день Клавдия, одетая в свой светло-серый костюм, с украшениями из бирюзы, на высоких каблучках, легкой походкой вместе с Зайнаб подошла к машине.

«Другой наряд и я чувствую себя другим человеком, и этот человек мне ближе», – подумала Клавдия.

Лейла-ханум в этот момент садилась в машину и после взаимного приветствия, предложила Клавдии сесть рядом с ней.

«И хотя я вынашиваю план бегства, но Лейла-ханум мне очень нравится», – подумала Клава. – «Мне нравится простота, благородство этой женщины, но я знаю и непостоянство моего сына, пройдет какое-то время, и он снова будет искать новую любовь и гордой Клаве будет тяжело», – думала, глядя на Клавдию, Лейла-ханум.

Когда машина поехала, Лейла-ханум, зная, что Клава изучает персидский язык, стала задавать ей житейские вопросы и пришла в восторг, услышав, что Клава отвечает ей, хотя и медленно, но правильно. Лейла-ханум отметила, что Клавдия загорела и у нее здоровый вид.

В магазине их встретили очень услужливо, в городе было известно, что Миружан и Лейла-ханум щедро платят. Клавдия и Лейла-ханум внимательно просмотрели все наряды, послушали советы продавцов и приобрели все – от обуви, чулок до шляпок с вуалью.

Поездка подняла настроение Клавдии, и хотя она понимала, что купленная одежда чаще будет висеть в шкафу, тем не менее изредка, но ей будет предоставляться возможность видеть жизнь за пределами забора.

Поняла она также, что проскользнуть на свободу через главный вход невозможно, слишком сильна охрана дома – надо искать другой выход.

И случай такой представился...

Однажды, гуляя в глубине сада, где разросшийся хмель скрывал ее, Клавдия увидела, как сын Омара открыл ворота, которых она до этого не видела и въехала телега с картофелем.

«Значит, – обрадовалась Клавдия, – есть еще ворота и возможно калитка, через которую можно выйти на тихую улицу, и Омар доверяет ключи Хакиму! Если мне придется посвятить кого-нибудь в мой план бегства, то это будет Хаким. Конечно, это рискованный вариант, но без его помощи я не раздобуду ключа, – размышляла Клавдия.

Она знала, что вся семья Омара относится к ней с симпатией. С Омаром и Хакимом у нее установились доверительные отношения еще во время плавания с Миружаном на пароходе. С Хакимом и сейчас она довольно часто встречалась. У Лейлы-ханум была любимица-кошка Ниса, которая принесла котят, и Хаким их кормил и ухаживал за ними. Кошке с котятками отвели застекленную веранду, и они весело резвились на прилегающей к ней территории.

Клавдия с детства любила кошек, и вместе с Зайнаб она часто приходила сюда полюбоваться этими красивыми животными. Клавдии всегда было приятно находиться в обществе этих двух молодых людей.

С Зайнаб у нее складывались все более доверительные отношения. Чтобы не бродить по саду все время одной и не вызвать подозрений, она часто стала брать с собой на прогулки Зайнаб. В их беседах затрагивалась и тема прошлой жизни Миружана. Клавдии хотелось больше знать о нем, его характере, привычках. По словам Зайнаб, Миружан щедр, умеет держать слово,

вежлив с прислугой, но деспотичен и страшен в гневе. К счастью, вспышки гнева у него бывают нечасто.

И она рассказала случай, свидетелем которого стала сама.

Года два тому назад у Миружана была молоденькая любовница, которую он поместил в центральном доме. Она – местная, из горного селения – изящная, хорошенькая, прекрасно танцевала. Миружан, видно, был в нее сильно влюблен, почти все время проводил с ней.

Начали ли интриговать жены или любовницы, или самому Миружану что-то показалось, но пошел слух, что Заррина, так ее звали, влюблена в музыканта, который ей аккомпанировал, а он – в нее. Что предпринимает Миружан-хан?

Музыканта немедленно удалили из его дома, а Заррину он приказал наказать. Так ее, бедняжку, так избили, что сломали ей ногу. В больницу помещать не стали, не хотели лишних разговоров, лечили домашними методами. Нога у нее спустя несколько месяцев зажила, но она осталась хромой. Ее перевели в общий гарем, а спустя два месяца куда-то увезли. Домой ли к родителям вернули, или еще куда – это осталось загадкой. Мебель из комнаты, где жила Заррина, вывезли, комнату закрыли и больше туда никого не селили.

Эта история потрясла воображение Клавдии и еще более укрепила ее решение осуществить побег. «А что если побег будет неудачным и меня поймают, какое наказание Миружан придумает для меня?» – и она вздрогнула от этой мысли.

– Зайнаб, а где была комната Заррины? – спросила Клавдия.

– На первом этаже, пятая дверь налево, – ответила девушка.

Проходя по коридору, Клавдия думала об искалеченной женской судьбе, и с этого дня словно дух Заррины стал витать в воздухе.

Придя к себе в комнату, Клавдия задумалась. Уже полгода она живет в доме Миружана. Нажила ли она себе врагов? Миружан бывает у нее раза два в неделю, она никогда не поднимает вопрос о его любовных делах, в ее положении лучше отгородиться от всяких слухов. С женщинами гарема она почти не соприкасается, редкие встречи случаются во время прогулок в саду. У Миружана часто собираются компании, и на этих вечеринках бывают и его женщины танцуют, поют – это Клава слышит, но ее на такие пиры не приглашают, да и она туда не стремится. Зайнаб ей как-то сказала:

– Ваша защита – это Лейла-ханум, она вас любит, а против Лейлыханум никто не пойдет – настолько велик авторитет этой женщины в доме.

Клавдия вспомнила слова Миружана, сказанные ей: «Моя любовь к тебе так благотворна, что я даже к женам и детям стал лучше относиться».

– Все это пока так, но – пока. Вся моя жизнь здесь какая-то зыбкая и призрачная, – думала Клавдия.

В одну из встреч с Миружаном она попросила его разрешить ей зайти в книжный магазин, когда Лейла-ханум возьмет ее с собой на очередную прогулку. Спустя дней десять после этого разговора, Лейла-ханум предложила Клавдии сопровождать ее к своей подруге. Пробыв там часа два, на обратном пути они подъехали к книжному магазину. Лейла-ханум разрешила ей сделать покупки самостоятельно, а сама зашла в ювелирную лавку.

Магазин действительно принадлежал эмигранту из России, здесь были книги и журналы на английском, персидском, французском, русском языках. Клавдии было приятно поговорить с соотечественником на родном языке. Выбрав несколько романов, она спросила путеводитель по Ирану с иллюстрациями. Ее интересовал Тегеран и расположение Советского посольства, но этого она хозяину магазина сказать не могла. Он ей предложил книгу для туристов на фарси, богато иллюстрированная фотографиями, она давала панораму жизни Ирана, Тегерана. Пока Клавдия просматривала книги, словоохотливый хозяин магазина рассказал ей, что в последнем десятилетии XIX и начале XX века позиции царской России в Северной части Ирана были достаточно сильны. Капиталист Поляков получил от шахского правительства разрешение на

строительство порта Энзели и шоссейной дороги Энзели – Тегеран. Здесь было много русских, как служащих, так и рабочих. Поляков же организовал Учетно-ссудный банк для движения капитала и выдачи кредитов, но он вскоре стал контролироваться Государственным банком России и министерством финансов. Созданное тем же Поляковым «Персидское страховое и транспортное общество» организовало пароходное сообщение по Каспию между Ираном и Россией. К этому времени была уже протянута и телеграфная линия, которая обслуживалась русскими. Предприниматель Лианозов получил разрешение на эксплуатацию рыбных богатств южного Каспия и имел здесь рыболовецкие суда. Англия, давно имевшая влияние в Иране видела в России свою соперницу. Англичане придерживались в торговле принципа: больше ввозить товаров, меньше вывозить. Торговля с Россией была экономически более выгодна Ирану, так как Россия больше вывозила, чем ввозила. Хлопок, рис, сухофрукты, табак стали давать такой торговый оборот, что в Иране увеличились посевные площади этих культур. Но Первая мировая война нарушила эти торговые связи. Многие купцы, землевладельцы понесли убытки.

После Октябрьской революции 1917 года в России русские солдаты организовали здесь с местным населением Советы, но они просуществовали недолго. В 1918 г. Северная часть Ирана была оккупирована англичанами, а затем они вторглись в Баку, шла борьба за Азербайджанскую нефть. Но и они пробыли здесь недолго. В 1920 году после прочного установления Советской власти в Баку и Закавказье, уже советские войска изгнали англичан из Энзели. А по Соглашению Советской России и Персии от 26 февраля 1921 года порт Энзели передавался Ирану и советские войска были выведены из Северной части Ирана. Но тем не менее многие русские здесь остались по разным причинам, а также те, кто был не согласен с революцией, ее идеями. Часть из них уехали внутрь страны, кто смог позже перебрался в страны Запада, но часть русских осела в порту, здесь работают и живут. Да и сейчас сюда часто заходят торговые Советские суда.

– Действительно, мир тесен! Подумать только! Сколько русских ног протопали по этой земле! – и на душе у Клавдии потеплело при мысли, что где-то рядом находятся ее соотечественники.

В окно она увидела, что Лейла-ханум садится в машину, ей было неудобно задерживать ее. Она быстро оплатила покупки, поблагодарила хозяина магазина и пошла к выходу.

Когда Клавдия пришла в свои комнаты, она задумалась: «Хозяин магазина дал мне важную информацию. Можно совершить побег и уехать на советском пароходе, я предъявлю документы и объясню ситуацию. Но, есть но... Кто мне сообщит о прибытии парохода? Миружан, обнаружив мой побег, первым делом пошлет своих людей в порт. Я приехала сюда по Каспию, и он решит, что и задумала убежать тем же путем. Нет, этот вариант более рискованный».

XI

На другой же день Клавдия попросила Зайнаб почитать путеводитель по Ирану и по возможности переводить его текст на русский язык. И так день за днем она приобретала необходимую информацию, которая могла быть полезна в случае побега.

У нее остались деньги после покупки книг и она решила их сохранить на будущее.

Во время прогулок в саду Клавдию как магнитом стало тянуть к тем дальним воротам, и однажды, удостоверившись, что она здесь одна, подошла к ним совсем близко и вдруг услышала рычание. Крупная собака на цепи вылезла из-за кустов и уставилась на Клаву недобрым взглядом: «Вот кто здесь сторож!» – подумала она и быстро отошла к дорожке. Чтобы загладить неприятное впечатление от встречи, Клавдия вернулась в комнату, взяла оставшееся от обеда мясо и снова вернулась к собаке.

Бросив кусок, она стала ждать. Собака несколько минут колебалась, но аппетит взял верх над чувством долга и, съев мясо, она посмотрела на Клавдию более благосклонно.

С этого дня Клава раз в два – три дня стала приходить к собаке с мясом, а спустя месяц отважилась ее погладить, и та радостно завиляла хвостом. Клава облегченно вздохнула: представится случай бежать – собака помехой не будет.

Время шло, дни текли друг за другом. Жаркое душное лето сменялось прекрасной осенью, очень теплой и богатой на урожай. Скорее дождливая, чем снежная, ветреная зима сменялась теплой влажной весной. Прошло больше года, как Клава попала в дом Миружана.

Ее жизнь текла монотонно, и только визиты к подругам Лейлы-Ханум скрашивали это однообразие.

Отношения с Миружаном начали давать трещину. Он все чаще стал высказывать недовольство тем, что она не беременеет. Ему хотелось, чтобы Клавдия родила ребенка и была бы более надежно к нему привязана. Материнский же инстинкт Клавдии пока дремал, и она радовалась, что месячные приходили регулярно.

– Сам бог мне пока помогает – «думала она». И однажды, когда Миружан при очередной встрече снова ей высказал претензии, Клава впервые взорвалась и резко ответила ему: «Зачем тебе еще дети, когда вон их сколько у тебя!» Миружан оторопел, лицо его потемнело от гнева.

– «Сейчас будет один из его приступов о которых говорила Зайнаб» – со страхом подумала Клавдия.

Страх ли в ее глазах прочел Миружан или еще что, но он осадил себя, как коня на полном скаку, повернулся и быстро вышел.

Клавдия поняла, что с этого дня многое изменится в ее жизни. От Зайнаб она узнала, что через три дня после их ссоры Миружан уехал в Грецию по торговым делам. Вернулся он через две недели с новой любовницей – гречанкой, пышнотелой, выдавшей вида женщиной лет двадцати шести. Она обладала красивым низким голосом и с чувством пела греческие песни. Ей отвели комнаты недалеко от двери Клавдии, и теперь Клавдия могла слышать шаги Миружана, которые за год изучила, направляющиеся к другой женщине. Он много времени проводил с новой любовницей, да и мужские застолья не обходились без нее. Миружан с гордостью показывал друзьям свою новую диковинку. Она пела для них греческие песни, а мужчины с удовольствием разглядывали ее могучие, выпирающие из-под материала одежды, формы тела.

Для Клавдии новый поворот событий стал толчком к действию.

Через полтора месяца Миружану должно было исполниться 35 лет, и он хотел с большой pompой отметить свой день рождения. Клавдия заметила, что в торжественные дни в доме Миружана стоит большая суматоха. Гости приезжают, отъезжают, много пьют, развлекаются с женщинами. Даже охрана бывает хотя и на месте, но изрядно подвыпившая. В такой суматохе никто не обратит внимание на ее исчезновение. В этот день она и решила совершить побег, а пока шаг за шагом, день за днем тщательно продумывала детали побега. Для окружающих внешне она вела свою обычную жизнь – плавала, гуляла в саду, читала книги. Внимание всех сейчас было приковано к новой возлюбленной, и это было на руку Клавдии.

По словам Зайнаб Лейле-ханум очень не нравится нахальная гречанка и между Миружаном и его матерью вспыхивают из-за нее ссоры. Все домашние с интересом ждут, чем это кончится.

Клавдия наметила бежать глубокой ночью, если удачно сложатся обстоятельства. Нужно было отпроситься у Миружана уйти из зала после официальной церемонии. Для Клавдии после ссоры с ним это трудно было сделать. Но она заставила себя переступить через эмоции и гордость, слегка приоткрыла дверь и стала ждать звука шагов Миружана.

До дня рождения оставалось три дня. Когда она удостоверилась, что он спускается по лестнице, быстро вышла к нему навстречу. Они не виделись с той злополучной встречи. Поздо-

ровавшись, Клавдия сказала: «Миружан-хан, разрешите мне присутствовать только на официальной части торжества. У меня начинаются месячные и я всегда плохо себя чувствую в эти дни». Миружан знал, что естественные женские дела у Клавдии проходили болезненно, с тошнотой и головной болью.

Взглянув на Клавдию, Миружан понял, что гнев его прошел и эта женщина ему по-прежнему дорога.

– Хорошо, побудь часа полтора, а потом можешь уйти» – коротко сказал Миружан и быстро пошел к выходу.

Клавдия несколько минут постояла в раздумье: «Возможно, я могла бы полюбить его, если бы между нами не было того обмана, на который он пошел, чтобы увезти меня в Иран».

Теперь пора было раскрыть свой план Хакиму. К Омару она не могла обратиться, слишком сильна и предана была дружба его с Миружаном. И хотя Омар сочувствовал Клавдии, она была здесь как белая ворона в черной стае, но на предательство интересов друга он бы не пошел. Это Клавдия знала. Зайнаб должна быть полностью вне игры, чтобы на нее не пала тень подозрения в соучастии побега. Хаким, – Клава это чувствовала, был романтически влюблен в нее, что бывает у юношей 15–16 лет, и в помощи он ей не откажет, а она обставит дело так, чтобы все подумали – охрана была пьяной, и Клавдия выскользнула через главный вход.

Она знала часы кормления кошки с котятками и пошла туда без Зайнаб. Хаким был один. Со свойственной ей прямоотой она обратилась к юноше: «Хаким, мне нужна твоя помощь, больше мне обратиться не к кому. В день рождения Миружана я хочу глубокой ночью совершить побег».

Хаким вздрогнул: Побег? Никто, сколько я помню, побега не совершал, да и куда бежать – подумал он.

Клавдия заколебалась: Может меня подвела интуиция и Хаким выдаст?

– Продолжайте, я вас слушаю, чем же я могу вам помочь? – Хаким внимательно посмотрел на нее.

– Мне нужно, чтобы от 3 до 4 часов ночи была открыта калитка на внутреннюю улицу. А в 4 часа ты ее закроешь. С собакой я подружилась – она помехой не будет. Сейчас мне ничего не отвечай. В день побега я ночью подойду к калитке и мне станет ясно, смог ты мне помочь или нет. – И Клавдия быстро пошла вглубь сада – нельзя, чтобы кто-нибудь их вместе увидел.

Вернувшись к ужину домой, она открыла шкатулку с драгоценностями. Неизвестно, как сложится ее жизнь дальше, но на первое время ей нужны будут какие-то средства. Она перебрала серьги, ожерелья, кольца и взяла кольцо с изумрудом, нитку розового жемчуга, золотое ожерелье с рубином, такой же браслет и бирюзовый набор, как память о Миружане.

Все остальное она решила оставить. Миружан дарил ей и деньги, часть она потратила на покупку книг, а остальные сохранила, и они ей смогут пригодиться.

Из одежды решила взять строгое закрытое платье синего цвета, которое ни разу не одевала, маленькую шляпку с вуалью и туфли на средних каблуках. Вся одежда составила небольшой сверток, а деньги и украшения уместились в маленькой сумочке вместе с документами.

ХII

В день рождения Миружана Клавдия сказала Зайнаб, чтобы та не беспокоила ее на другое утро и пришла не раньше 11 часов. Она хочет хорошо выспаться.

Вечером же одела новый наряд, который специально пошили к Дню рождения Миружана, подобрала к нему украшения и вместе с другими женщинами гарема присутствовала на чествовании юбиляра. А затем, как она и договорилась с ним, ушла к себе.

Потекли последние часы пребывания ее в этом доме. В час ночи она вскипятила чай и поела бутерброды. Уложила прическу так, как носила в России – пышным узлом, уйти решила в

иранском платье и домашних туфлях, а на голову набросила косынку. Покрой платья был такой свободный, что сумочку и сверток с одеждой Клавдия прикрепила к нижнему белью. Если ее остановят и побег сорвется, она скажет, что ей не спалось и вышла подышать свежим воздухом. В два часа ночи она потушила свет и в полной темноте посидела на веранде, прислушиваясь и оглаживая двор.

В три часа она тихо открыла дверь, и удостоверившись, что никого нет, закрыла ее на ключ и вышла во двор. Над дверью в подъезд был навес из виноградника, который скрывал ее. Она встала на цыпочки, положила ключ на веранду и пошла вглубь двора. Здесь было темно, а площадка у главного входа светилась огнями. Пиршество шло в зале, звучала музыка, но и на площадке перед домом стояли столы с закусками и винами. Гости выходили на свежий воздух и здесь продолжали пировать и развлекаться.

Клавдия, чтобы ни с кем не столкнуться, пошла вдоль высокого забора, здесь были густые заросли и навряд ли кого потянет сюда. Обогнув почти весь сад, она дошла до калитки, и бросив собаке мясо, погладила ее.

Затем Клавдия толкнула калитку – она была отперта! – сердце ее учащенно забилося, еще секунда, – и она оказалась на улице.

Ночь была безлунная, сверкали только яркие звезды, и темнота была такая, что она еле различила высокие заборы соседних домов. Она шла в домашних тапочках, очень тихо, чтобы собаки за заборами не подняли лай. Пройдя примерно километр, дорогу ей преградил ручей. Она переоделась, выбросила ненужную одежду в воду и пошла слегка виляющей походкой. Теперь она могла сойти за женщину легкого поведения, идущую от клиента. Таких женщин всегда много в портовых городах. Клавдии надо было бродить еще около часа, и она углубилась в бедные кварталы города, где улочки были совсем узкие.

К пяти часам утра она подошла к отелю, встала за дерево, чтобы ее не было видно и стала наблюдать. Тем временем начали проявляться первые признаки рассвета.

Около отеля стояли несколько машин, и если ей повезет, то может быть на одной из них она уедет в Тегеран. Многие туристы любили отправляться путешествовать ранним утром до наступления жары. Хотя уже шел сентябрь, но днем термометр зашкаливал за 30° по Цельсию.

Клавдия понимала, что если в течение полутора часов ей не удастся уехать, то ее побег может быть обнаружен. Город небольшой, многие знали друг друга, и хотя она опустила вуаль на лицо, но кто-нибудь мог ее узнать.

На ее счастье примерно в половине шестого из гостиницы вышла молодая пара с чемоданом и девочкой лет шести. Они разговаривали на английском языке. Клавдия из английских слов знала только три: Здравствуйте, да и нет. Но произнесенное ими в разговоре – Тегеран – она уловила. Англичане направились к одной из машин.

Клавдия вышла из-за дерева, откинула вуаль и обратилась к молодой паре на персидском языке. Они ничего не поняли кроме приветствия, тогда Клава заговорила на русском, дополняя свои слова жестами. Англичане удивились тому, что молодая красивая женщина, да еще русская, в столь ранний час оказалась у отеля. Бесспорно с ней что-то произошло, но она внушала доверие и по ее взволнованному лицу они поняли, что ей необходимо попасть в Тегеран. Молодой человек открыл заднюю дверцу машины и предложил ей вместе с их дочерью Кэт занимать места. Клавдия не могла поверить в такую удачу.

Девочка с интересом рассматривала ее, Клавдия ей улыбнулась и снова опустила вуаль на лицо – лучше было не рисковать.

Минут через десять, уложив вещи, молодая чета заняла передние места.

Машина легко покатила по дороге.

Еще с полчаса езды Клавдия часто оборачивалась – нет ли погони, но похоже что судьба была к ней благосклонна, а потом поездка в столь ранний час в открытой машине стала доставлять ей удовольствие.

– «Если в доме Миружана и поднимется переполох, то не раньше, чем через три – четыре часа, а мы уже будем подъезжать к Тегерану». – размышляла Клавдия.

– «Как мне остановиться в отеле, не предъявляя документы? Хорошо, если бы мои попутчики взяли два номера рядом на свое имя. Как мне их об этом попросить?»

Вдали все яснее вырисовывалась горная гряда Эльбурс у южной подошвы его самой высокой точки потухшего вулкана Демовенд раскинулась столица Ирана – Тегеран. Первые сведения о Тегеране относятся к 1220 году, но столицей он стал в 1795 году при основателе Каджарской династии Ага-Моххамеде. Шах был выходцем из тюрского кочевого племени Иранского Азербайджана и Тегеран его привлек не только по политическим мотивам. Вокруг Тегерана были прекрасные пастбища для его конницы. В начале 20 века Тегеран был небольшим городом, насчитывающим всего 200 тысяч жителей и уступал по красоте и достопримечательностям таким крупным городам как Шираз, Тебриз, Исфаган.

Тем временем машина въехала в окраины Тегерана. Клавдия увидела такие же одноэтажные невзрачные дома как и в Энзели, обнесенные заборами, но ближе к центру пошли особняки, утопающие в зелени, и деловая часть города с банками, магазинами, отелями. На большой площади возвышалась мечеть.

Молодая пара – Ричард и Джейн – оживленно о чем-то переговаривались. Затем Джейн, обернувшись к Клавдии, спросила: – Отель – да или нет?»

Клава обрадовалась, что ее попутчики сами предложили решение проблемы.

– «Отель – да» – сказала она и жестами объяснила, чтобы они брали два номера рядом и открывала сумочку, показав деньги за оплату номера.

Ричард и Джейн уже поняли, что у этой русской женщины какая-то тайна и предложили Клавдии зарегистрировать ее как их гувернантку под именем Мэри Смит. Она кивнула в знак согласия. Машина подкатила к отелю, в котором в основном останавливались иностранные туристы.

Англичане оплатили два номера за трое суток, а дальше они планировали путешествовать по Турции.

У Клавдии было три дня для решения своих дел. Ричард и Джейн попросили ее вечером посидеть с Кэт, им хотелось сходить в ресторан, развлечься. Клавдия согласилась, а днем отправилась в парикмахерскую, сделала короткую пышную стрижку и перекрасила волосы в белый цвет. Затем зашла в магазин и купила себе светло-коричневый костюм английского покроя с белой блузкой и белую шляпу с большими полями, скрывающими часть лица. Теперь она была действительно похожа на элегантную англичанку: «Я знаю Hallo, yes and no» – шутливо подумала Клавдия.

Она была голодна, но зайти куда-нибудь пообедать – не рискнула, купила кое-какие продукты и решила съесть их в номере. События этого дня, бессонная ночь утомили ее, и после обеда она крепко уснула.

Проснулась от стука в дверь. Это Ричард и Джейн привели ей Кэт. Она забралась на кровать, обложилась игрушками, а спустя часа два незаметно уснула. Ричард и Джейн вернулись очень поздно, навеселе, и Клавдия предложила им оставить у нее девочку до утра, сама же уснула на диване.

На другое утро Клавдия вышла купить местные газеты, и, пробегая глазами одну частную газету, она увидела объявление от которого у нее похолодело внутри: – «Разыскивается женщина европейской внешности, бежавшая из гарема города Энзели» – далее перечислялись ее приметы, и в конце предлагалась солидная сумма денег за «поимку беглянки».

Только сейчас Клавдия осознала какой удар она нанесла самолюбию Миружана и если ее поймут, он расправится с ней жестоко.

Она вспомнила, как Зайнаб ей рассказывала о глубоком колодце-зиндане, куда спускали провинившихся наложниц. Колодец давно пустовал, но ее, Клавдию, наверняка сбросили бы

туда, сгноили, и никто не вспомнил бы о ней. Может быть только Хаким! Как вовремя она изменила внешность! За такую сумму найдутся охотники пошпионить, но они будут искать темноволосую женщину – а она блондинка!

Клавдия решила сегодня больше никуда не выходить. Предложила Ричарду и Джейн посмотреть город, его достопримечательности, а сама осталась с Кэт.

Наступил третий день ее пребывания в отеле, и Клавдия решила действовать. Она предупредила английскую чету, что если к вечеру не вернется, значит у нее все благополучно. Дружески попрощавшись с семьей, которая ей так помогла, она в 9 часов утра отправилась в направлении Советского Посольства. Трудно передать словами то волнение, которое охватило Клавдию, когда она подошла к воротам Посольства. Вот он – небольшой островок ее Родины, а двое молодых часовых, охранявших вход на территорию, показались ей такими близкими и дорогими.

Она подошла к калитке, и обращаясь к часовым, заговорила взволнованно и быстро: «Мне необходимо встретиться с Полпредом. Я – гражданка Советского Союза – Рыбина Клавдия Ивановна, уроженка города Гусь-Хрустальный – попала в беду, бежала из гарема города Энзели, меня разыскивают. Окажите помощь!» – и она протянула часовому документы и газету. Просмотрев документы, часовой направился к зданию. Другой часовой открыл калитку и вежливо предложил ей зайти на территорию Посольства.

Коломна, 2004 г.

Часть II. «Тегеран»

I

Султан Магометович – Полпред Страны Советов в Иране – подошел к окну и с интересом наблюдал происходящее.

Молодая женщина издали выглядела элегантно и была очень взволнована.

– С ней бесспорно что-то случилось. Кто она? – подумал он. Его жгуче-черные глаза выражали явную заинтересованность. Когда дверь отворилась и появился часовой, он нетерпеливо спросил: Что там случилось, Иван?»

– Молодая женщина, по документам русская, говорит, что бежала из гарема города Энзели, ее разыскивают, вот объявление в газете, – и он протянул документы и газету Полпреду. Просмотрев их внимательно, он спросил Ивана: «Как, хороша?».

– Хороша, – смущенно ответил часовой.

«Каково!» – подумал Полпред, – «Бежала из гарема! Смелая, знай наших!». А вслух произнес: «Небось удрала с ним влюбившись, да видно, что-то не понравилось. Давай Иван, приглашай ее ко мне в кабинет».

Белое здание Посольства принадлежало еще когда-то царской России и было достаточно просторным. Клавдия шла по дорожке мимо красиво разбитых газонов, сердце ее учащенно билось. Она знала, что сегодня во многом определится ее будущая жизнь.

Часовой назвал ей имя и отчество Полпреда и пропустив вперед, сам остался у входа в здание.

Когда Клавдия открыла дверь, Султан Магометович, разглядывая ее внимательно, сказал: Ну, здравствуйте, Клавдия Ивановна Рыбина, так по крайней мере написано в документах. Только что-то приметы в газете не совпадают с оригиналом! – насмешливо добавил он.

– «Мой внешний вид – это маскировка, я вынуждена была изменить облик» – ответила Клавдия. Как ей было приятно говорить на родном языке!

– «Да, говорите вы на чисто русском языке» – протянул Султан Магометович. – А фарси знаете?

– Разговорный.

Сможете объясняться с персами?

– Вполне.

– Так, так – задумчиво проговорил Полпред. – Ну, расскажите подробно вашу историю, чтобы что-то предпринять, я должен знать все.

Он откинулся в кожаном кресле, время у Полпреда было, и он приготовился внимательно выслушать рассказ Клавдии.

Она заговорила взволнованно, и история ее жизни прозвучала выпукло и образно.

«Голос прекрасный, прямо артистический, речь отточена, видно начитана» – отметил про себя Полпред.

Когда Клавдия закончила свой рассказ, он задумчиво сказал: «Миружан никаких юридических прав на вас не имеет, но и скандала нам не нужно. Мы наладили и продолжаем улучшать с руководством Ирана добрососедские отношения между нашими странами, любой бытовой конфликт может набросить тень...»

Клавдия замерла: «Неужели откажет в помощи?».

Увидев страх в ее глазах, Султан Магометович улыбнулся: «Я сейчас решу вопрос о вашей работе и жилье, но предупреждаю – в течение полгода, пока ваша прошлая история не забудется – никуда, ни на шаг с территории Посольства! Нам скандалов не надо!»

Все свои действия Султан Магометович привык соразмерять с интересами своей страны. Он учился в Петрограде, когда революционная волна захлестнула страну. Убежденный большевик, несколько лет проработал там, куда его направляла партия. А в 1927 году его знание Востока и владение несколькими языками, в том числе и фарси, оказались востребованы Государством, и он был направлен на дипломатическую работу в Иран. С ним приехала и его красавица-жена Наташа, которая уже здесь родила ему дочь. Поднявшись, чтобы проводить Клавдию к выходу, Султан Магометович сказал: «Вот госпиталь, как будто мелочь, мы открыли его для лечения своих сотрудников, а слава о хорошем медицинском обслуживании так распространилась, что к нам на лечение стремятся попасть высокопоставленные иранцы, иностранцы. А разве это не укрепляет авторитет нашей страны? Теперь вот будет работать сиделка, знающая персидский. Разве это не укрепляет авторитет госпиталя? – Укрепляет». – заключил он.

Набрав номер телефона, он сказал:

– Андрей Михайлович, вы жаловались, что у вас не хватает медицинского персонала, вот я вам направляю одну кандидатуру – Клавдию Ивановну Рыбину. Обучите ее, а пока может поработать сиделкой, знает фарси. Дайте ей комнату, пусть сегодня устраивается, отдохнет, а завтра может приступить к работе.

– Иван, – крикнул он часовому, – проводи Клавдию Ивановну к Андрею Михайловичу!

II

Госпиталь располагался на территории Посольства, выходя своим главным входом на противоположную улицу. От здания Посольства и прилегающей к нему территории он отделялся массивными воротами, около которых дежурили часовые. Предъявив пропуск, Иван вместе с Клавдией направились в кабинет Главврача.

Андрей Михайлович, полноватый, лысеющий мужчина лет пятидесяти встретил Клавдию внимательным, все понимающим взглядом, и она сразу почувствовала к нему расположение.

– Я начну с комплимента, – начал Главврач. – На вас прекрасный костюм, и вам он очень идет, но здесь, дорогая Клавдия Ивановна, вам придется привыкать к белому халату и шапочке, а каждодневную одежду лучше иметь попроще.

Клавдия слегка смутилась. «Конечно он прав» – подумала она. – «Здесь я буду среди больных и не стоит привлекать внимание к своей персоне».

В кабинет вошла быстрой, легкой походкой миловидная белокурая женщина средних лет.

– Анна Павловна, – обратился к ней Главврач. – Познакомьтесь с нашей новой сотрудницей – Клавдией Ивановной Рыбиной. Знаний медицинских она не имеет, но знает фарси, может поработать сиделкой. Завтра вечером пусть подежурит около двух иранцев, которым сделали операции. Объясните ей, что будет входить в ее обязанности. А сегодня предоставьте ей комнату, запишите на продовольственное обеспечение и дайте медицинскую одежду.

– Уважаемая Клавдия Ивановна, – в заключение сказал он, – По всем вопросам обращайтесь к Анне Павловне, не стесняйтесь, она человек расторопный – везде успевает.

Анна Павловна, объяснив Клавдии все до мелочей, оставила ей ключ от комнаты и ушла.

Как поняла Клавдия, завтраки, обеды и ужины проходили в столовой в определенные часы.

До обеда оставалось полчаса, и она решила переодеться. Достала темно-синее платье, в котором бежала из Энзели и подошла к зеркалу, чтобы взглянуть на себя.

Платье красиво облегалo ее фигуру и контрастировало с пышными светлыми волосами. Она оглядела оценивающе комнату. Обстановка выглядела скромной; кровать, покрытая покрывалом с восточным рисунком, стол со стульями, шкаф с большим зеркалом, небольшая дорожка на полу. Просторная кухня, расположенная рядом была общей, но чайник вскипятить

будет просто. По словам Анны Павловны, индивидуального питания почти никто не готовит, хватает обедов в столовой. При желании можно приобрести продукты и в буфете. При госпитале есть также небольшая библиотека, и Клавдия решила сегодня же взять что-нибудь на вечер почитать.

Когда она вошла в столовую, коллектив медицинского персонала, уже собравшийся на обед, тепло приветствовал ее, и это подбодрило Клавдию. Она была голодна, а обед, состоящий из ароматно пахнущего борща, бефстроганов, салата и компота с булочкой был очень вкусный. Вернувшись в комнату, Клава почувствовала, что ее жизнь начинает налаживаться, а прошлое отодвигается все дальше и дальше.

На другой день перед началом дежурства она очень волновалась. Ей казалось, что она сделает что-нибудь не так, опростоволосится, а ей так хотелось работать – пусть даже сиделкой! Она несколько раз примеряла белый халат и шапочку, ходила перед зеркалом, входила в роль медика, и уже сама себе нравилась в этом белом наряде.

Волнение ее улетучилось, когда поздоровавшись с больными персами по-ирански, она увидела, как радостно блеснули их глаза!

Клавдия вдруг почувствовала спокойствие и уверенность. Сейчас она нужна этим двум больным, перенесшим трудные операции и стала вести себя так, словно давно выполняет обязанности сиделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.